

1.

...Дмитрий Дмитриевич Шостакович писал музыку буквально до самого последнего дня своей жизни. Более того, я знал, что незаконченный клавир нового произведения лежал у него на письменном столе. Он присаживался к столу и подолгу оставался наедине со своей музыкой...

Что же это за сочинение?

Оно оказалось связанным с его давними друзьями из знаменитейшего струнного квартета имени Бетховена. Этот квартет, видимо, незначительно представлял. Он увенчан мировой славой, и она неразрывно связана с именем и творчеством Шостаковича. Достаточно напомнить, что именно этот коллектив по традиции почти всегда первый исполнял все 15 его знаменитых квартетов. Премьеры их, по воле автора, традиционно проходили в его родном городе — Ленинграде.

Шостакович не просто любил бетховенский квартет — он считал его мастерство вершиной исполнительского искусства. Не случайно однажды в Ленинграде перед концертом композитор сказал своим друзьям-«бетховенцам»:

— С вами я как за каменной стеной!

Шостакович был близок со всеми «бетховенцами», в том числе и с Вадимом Васильевичем Борисовским, великодушным музыкантом, учителем советских альтистов. 11 лет назад В. В. Борисовский тяжело заболел, перестал играть в квартете, но по-прежнему искал и находил одаренных музыкантов, которым передавал свое мастерство.

Когда-то вот так же в доме Борисовского появился Федор Серафимович Дружинин, юный москвич, который с пяти лет занимался музыкой. Дружинин поступил в Московскую консерваторию, учился в классе профессора Борисовского и, блестяще завершив учебу, остался сначала ассистентом, а потом — преподавателем. В 1957 году Федор Дружинин получил золотые медали на всесоюзном и международном конкурсах.

Вадим Васильевич привел в квартет нового альтиста и объявил:

— Вот моя замена — Федор Дружинин.

Однажды в 1964 году Дружинин был у своего учителя. В тот день Дмитрий Дмитриевич Шостакович прислал Борисовскому свои новые 9-й и 10-й квартеты.

— Видимо, я уже не смогу сыграть их. Вам, Федя, предстоит познакомиться с тем, как звучат его сочинения. Сыграйте их Дмитрию Дмитриевичу. Ему важно быстрее услышать, как они живут в звуках.

На следующий день у Шостаковича собрался весь квартет. Дружинин читал с листа. Композитор был доволен.

С той, теперь уже давней, поры Дружинин играет в бетховенском квартете. Он участвовал в подготовке 9-го, 10-го, 11-го, 12-го, 14-го и, наконец, 15-го квартетов Шостаковича. Сколько памятных репетиций было с участием автора!

Альтист и сам создавал музыку. На одном из его произведений — «Вариации для альт, соло» — Шостакович написал:

«Дорогой Федя, поздравляю Вас с отличным сочинением!»

Да, Шостакович очень любил «бетховенцев». Видимо, поэтому он заранее определил, что новое произведение будет исполнять Федор Дружинин.

Что же за сочинение в конце своей жизни задумал и написал Дмитрий Дмитриевич? Я спрашивал об этом его друзей, и все они в один голос говорили:

— Идите к Дружинину!

2.

Дружинин все эти одиночные лет вел дневник и все отлично помнит. Поэтому ис-

не удержавшись, спросил Дружинина.

— Она, видимо, займет целое отделение, приблизительно около 30 минут, — ответил Шостакович. — В ней три части: первая — новелла, вторая — скерцо, третья — адажио памяти великого композитора Бетховена...

...Дружинин признается, что у него всегда язык прилипал к горлу, когда он беседовал с Шостаковичем. Поэтому сейчас только подтвердил композитору, что он, как всегда, в его распоряжении, что он очень взволнован вестью о новом сочинении и с нетерпением будет ждать, когда оно будет закончено. Только это, конечно, не дол-

ШОСТАКОВИЧ: ПОСЛЕДНЕЕ СОЧИНЕНИЕ

торию работы Дмитрия Дмитриевича за последние месяцы можно изложить почти документально.

25 июня в девять утра Шостакович с дачи позвонил в Москву.

— Это вы, Федя? — как обычно, спросил композитор. — Доброе утро! Как ваше здоровье, как жена, дочь?

— Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич! У нас все хорошо!

— Вот и отлично! У меня есть для вас, Федя, одно сообщение: я пишу сейчас сонату для альт и рояля и хотел бы посоветоваться с вами по поводу некоторых технических альтовых сложностей. Замысел этого произведения у меня уже созрел. Трудность сейчас заключается в том, что я неважно себя чувствую, нелегко писать — рука болит... Но все равно, закончу сонату, видимо, в конце июля. Где вы будете все это время?

— В Москве!

— Буду вам звонить...

Вечером того же дня Дмитрий Дмитриевич снова позвонил Дружинину:

— Добрый вечер, Федя! Я хочу продолжить наш утренний разговор. Разумеется, я не забыл, что на альте, так же как на скрипке и виолончели, традиционные гаммы играют терциями, секстами и октавами. А можно ли сыграть на альте гаммы параллельными, чистыми квартами?

— Конечно, можно...

...Десять дней Дружинин был в неведении. Почему Дмитрий Дмитриевич снова выбрал альт? Почему опять решил писать сонату? Хорошо бы, конечно, позвонить и спросить его самого обо всем. Дружинин так и сделал. Он звонил на квартиру и на дачу Шостаковича, спрашивал Ирину Антоновну, супругу композитора, о его самочувствии, передавал добрые пожелания и... ждал.

Иногда Дмитрий Дмитриевич сам брал трубку.

Так случилось и 4 июля.

— Плохо себя чувствую, Федя. Наверное, придется поехать в больницу...

Но Шостакович ни одним словом не обмолвился о том, что две части новой сонаты все-таки уже написаны.

— А каков размер сонаты, Дмитрий Дмитриевич? —

— Вот и хорошо! Какой у вас адрес в Тарусе? Продиктуйте, пожалуйста. Так... Записал! Как только ноты будут готовы, тут же вышлю их вам. А сейчас езжайте отдыхать!

3.

Все было так, как условились: Дружинин с семьей отправился в Тарусу, погода стояла отменная, можно было наконец отдохнуть. Но беспокойство все же не покидало музыканта.

23 июля он позвонил на московскую дачу Шостаковича и узнал, что Дмитрий Дмитриевич стало хуже и его увезли в больницу. Тревога возрастала.

А на следующий день, 24 июля, Дружинин получил от Дмитрия Дмитриевича открытку. Вот она перед нами: «22.VII 1975 г.

Москва
Дорогой Федя! К сожалению, ноты еще не готовы. Они будут готовы в первых числах августа. Я вам сразу же вышлю. Когда их получите, сразу мне сообщите. У меня в па-

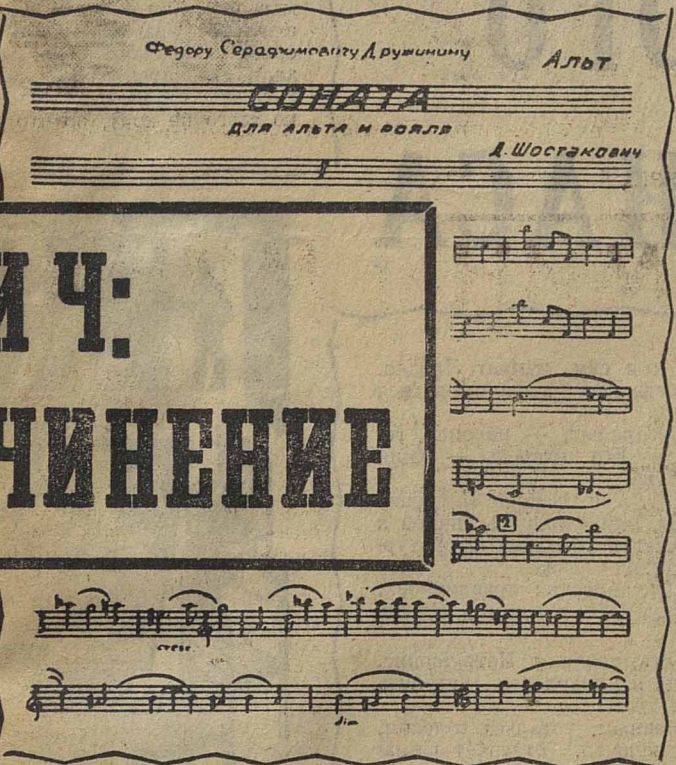
вич может получить экземпляр нового сочинения.

— 6 августа, утром, я приехал в хорошо знакомую мне квартиру Шостаковича, — рассказывает Дружинин. — Здесь меня встретила Мария Дмитриевна, близкий их семье человек. Она вынесла папку в сером переплете. Я открыл папку и испытал, может быть, самое глубокое и прекрасное чувство, которое было у меня в жизни. Я был очень, очень обрадован тем, что Дмитрий Дмитриевич удостоил меня чести быть первым исполнителем его нового сочинения. Но когда открыл папку, понял, что Дмитрий Дмитриевич одарил меня самым драгоценным даром...

...Вот оно перед нами, последнее сочинение великого композитора нашего времени — Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. На титульном листе написано:

«Федору Серафимовичу Дружинину».

Соната для альт и рояля. Д. Шостакович».

4.

...В больнице пробуду до середины августа. А может быть, выйду и раньше.

Сердечный привет всей Вашей семье.

Ваш Д. Шостакович».

Эта весточка несколько успокоила Дружинина.

4 августа он приехал в Москву, чтобы отсюда отправиться дальше, во Львов, где находился на каникулах его ученик по классу альт Юрий Башмет, которому осенью предстоит принять участие в международном конкурсе в Будапеште. Дружинин решил помочь молодому музыканту подготовиться к конкурсу.

В тот же день, 4 августа, здесь, в Москве, Дружинин узнал, что Дмитрий Дмитриевич чувствует себя хуже, звонить ему не следует, ибо его перевели в другую палату. Узнал он и о том, что, несмотря на болезнь, Дмитрий Дмитриевич все же работает над корректурой нового сочинения. На следующий день, 5 августа, Дружинину позвонила Ирина Антоновна и сообщила, что ноты отосланы на ротاپринте, Дмитрий Дмитриевич уже вычитал корректуру и Федор Серафимо-

не чуя под собой ног, Дружинин принес бесценную сонату домой и до позднего вечера изучал новое произведение Шостаковича. Он спешил составить себе первое впечатление, чтобы сообщить его композитору, развеять его беспокойство относительно некоторых технических особенностей новой «сонаты».

— Сначала я смотрел свою, альтовую партию, потом сел за рояль. Какое величие замысла, какое озарение, какое емкое ощущение времени! И, наконец, какая громадность... Дмитрий Дмитриевич зря волновался — и это сочинение написано с потрясающим знанием инструмента. В ней все можно исполнить, несмотря на то, что автор использует альт во всех его регистрах. Все великолепно звучит, в том числе и гамма параллельными квартами, которая так беспокоила его. Особой силой отмечено вступление в адажио последней части, посвященной Бетховену.

Здесь в прекрасный мир Дмитрия Шостаковича вошел дух Бетховена. Каким-то сказочным чудом возвышенные

образы нового произведения переключаются с знаменитой бетховенской Cismoll'ной № 14 quasi una fantasia, которая известна под названием «Лунной сонаты»...

Как и все последние произведения Шостаковича, и это тоже продолжение его размышлений о жизни и смерти, любви и красоте... Сообщив мне, что финал сонаты посвящает Бетховену, Дмитрий Дмитриевич заметил: «Пусть это не пугает вас, Федя. Музыка светлая, музыка светлая...» Он нередко любил повторять фразу, которую считал важной.

...На следующий вечер у Дружинина был его давний приятель, известный московский пианист Михаил Владимирович Мунтян. Несколько месяцев назад, весной, Дружинин и Мунтян были в гостях у Шостаковича, играли ему сонату для альт с фортепиано Григория Фрида. Дмитрию Дмитриевичу понравилось и сочинение, и его исполнение. Через день Дружинин снова был у Шостаковича и в этот раз сыграл сонату для альт соло Моисея Вайнберга. И это сочинение его давнего ученика великий композитор назвал великолепным, заметив, что он хотел бы еще раз его послушать. Если ему что-то нравилось, он говорил об этом прямо, равно как и о том, что ему не нравилось.

...Мунтян не раз искусно исполнял произведения Шостаковича. Композитор ценил его мастерство и обрадовался, узнав, что его тогда еще не законченную сонату Дружинин и Мунтян решили играть вместе.

И вот в августовский вечер они впервые трижды сыграли новую сонату.

— Вернее, мы трижды знакомылись с ней, — уточняет Дружинин. — Мунтян ушел от меня где-то в двенадцать ночи, а я засел за письмо Дмитрию Дмитриевичу, в котором пытался выразить ему свою благодарность за удивительную музыку и совершенно неожиданное посвящение.

— Хорошо, что вы написали ему, — сказала Ирина Антоновна. — Дмитрий Дмитриевич читал ваше письмо и очень радовался. Оно было для него лучшим лекарством. А еще он просил передать, чтобы вы с женой непременно ехали во Львов. Приедете — позвоните!

— Что же еще я могу сказать о новой сонате? Сначала, конечно, надо ее как следует изучить, осмыслить и попробовать сыграть так, чтобы выразить хотя бы часть того, что было задумано Шостаковичем. Но одно уже ясно — и в этой «Сонате» та же вершинность духовного мира, та же бесконечная вера в человека, на которой стояла, стоит и века будет стоять музыка Шостаковича. Я сейчас учу новую «Сонату», смотрю, слушаю, вживаюсь в нее и все время думаю о том, что так совершенно писали только Бах, Бетховен, Моцарт! Между прочим, я сообщил Дмитрию Дмитриевичу, что хочу пригласить новую «Сонату» ко дню его рождения, к 25 сентября. И премьера, конечно, как всегда должна состояться в Ленинграде...

...Дружинин сидит напротив меня, жестко сцепив руки.

Наум МАР